

Алфёрова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ АККОМОДАЦИИ (на материалах Орловской губернии)¹

В статье рассматривается специфика процесса аккомодации российских беженцев в годы Первой мировой войны на материалах Орловской губернии. Под «аккомодацией» понимается изменение функции, способствующее сосуществованию действующих индивидов, групп, организаций, сообществ и их совместные действия без стирания имеющихся между ними различий и утраты своеобразия. Термин представляется достаточно репрезентативным в отношении перипетий, переживаемых беженцами в местах водворения, когда процесс их адаптации к новым условиям уменьшал вероятность социального конфликта, в том числе с местным населением, но не ликвидировал ее окончательно, что и проявилось в политических трансформациях 1917 г. Из всех многочисленных проблем жизни провинции, которые порождались военными реалиями, а местным населением увязывались с тысячами переселенцев, оказавшихся на территории губернии, рассматриваются только некоторые: «квартирный вопрос», несправедливое распределение материальных благ, государственная помощь в виде беженских пайков, нехватка рабочих рук. Однако и ограниченный круг рассмотренных проблем является, по мнению автора, иллюстрацией возникшей социальной напряженности между местным населением и беженцами, которая со временем стала определенным основанием для формирования протестной активности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Орловская губерния, беженцы, аккомодация, квартирный вопрос, паёк, социальное напряжение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-9-16

Изучение российского беженства в годы Первой мировой войны в отечественной историографии уже имеет определенную традицию. Историки на общероссийских и региональных материалах воссоздают детальную картину трагедии, которую переживали миллионы подданных Российской империи, вынужденные покинуть родные места [2, 5, 18, 19, 20, 31]. Ряд исследователей посвятили свои работы экономическим, организационным и общественным проблемам беженства на материалах Орловской губернии [7, 8]. Однако для полноты отображения всего комплекса проблем еще предстоит сделать немало.

Помимо приоритетной и устоявшейся тематики в изучении российского беженства, на сегодняшний момент можно отметить появление новаторских подходов. Так, историк Н.В. Суржикова предложила рассматривать процесс беженства через понятия социальной эксклюзии и маргинализации, стигматизации и дискриминации, тем самым переключив фокус исследования с беженства как такового, на переселенцев как представителей различных

социальных групп [41, с. 98]. В другом изыскании историк обратила внимание на столкновение интересов разных общественных сил, а также государственных структур, которые активизировались в связи с решением проблем беженства, «обнаруживая крайне низкий уровень их союзоспособности» [40, с. 122]. Тем самым проблема беженства начинает рассматриваться в более широком контексте, в том числе и как одна из важнейших предпосылок политических трансформаций 1917 г.

В рамках данной статьи предполагается проиллюстрировать вышеназванный тезис, сосредоточив внимание на отдельных моментах процесса аккомодации беженцев. Под «аккомодацией» в данном случае понимается «изменение функции, способствующее сосуществованию действующих индивидов, групп, организаций, сообществ и их совместным действиям без стирания имеющихся между ними различий и утраты своеобразия» [1]. В статье на конкретных фактах из повседневной жизни Орловской губернии раскрывается ситуация, которую князь Н.Б. Щербатов, занявший 5 июня 1915 г. пост министра внутренних дел,

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-21-01010-ОГН.

предвосхитил в зашифрованной телеграмме от 20 июня 1915 г., сообщая в ставку Верховного главнокомандующего: «Местное население недовольно селением (*размещением*. – И.А.), сами беженцы чрезвычайно озлобленные уничтожением имущества и безобразным отношением сопровождающих их из Галиции чинов полиции политически являются элементом совершенно опасным» [38, д. 42, л. 74].

Первые волны беженцев докатились до Орловской губернии в двадцатых числах июля 1915 г. Относительно общего числа беженцев, осевших в начальный период переселения в Орловской губернии, можно сделать только приблизительные подсчеты. Железнодорожные узлы губернии, согласно первоначальным планам эвакуации населения из прифронтовой полосы, должны были стать только распределительными пунктами для дальнейшего продвижения людских масс на восток [2]. Однако по мере заполнения переселенцами внутренних территорий страны часть из них стала оседать в Орле и далее расселяться по уездам. Кроме того, беженцы прибывали в Орловскую губернию по шоссе и по проселочным дорогам из Смоленска, Киева и Гомеля.

Согласно телеграммам от уездных исправников в Орловское губернское правление от 1 января 1916 г., в уездном Трубчевске оказалось 1882 беженца (687 женщин, 884 детей), в Севске – 1360 (женщин 372, детей 723), в Брянске – 6071 (женщин 1733, детей 2467), в Карачеве – 3297 (1226 женщин 1544 детей) [14, д. 5245, л. 8, 17, 22, 23]. В Орле к марту 1916 г. проживало 5285 беженцев (из них: мужчин – 1265, женщин – 1761, детей – 2259) [29, № 2, 22 марта]. Казалось бы, количество беженцев было незначительным на фоне общего населения, проживавшего в губернии (Население Орловской губернии равнялось по переписи 1897 г. 2033798 чел., из которых в городах проживали примерно 12%. Самым крупным городом был губернский центр, население которого составляло 69 735 чел.) [35], однако их появление уже с первых дней обозначило «квартирный вопрос».

Беженцы с семьями расселялись в Орловском сборном пункте у вокзала, в гусарских казармах, в полузаброшенных домах. На объединенном заседании областного и городского Всероссийского союза городов, членов городской думы и управы, заведующего передвижением беженцев барона Рауша фон Траунберберга и пр., проходившем 12 августа

1915 г., предлагалось для размещения беженцев обшивать железнодорожные платформы и «устраивать там очаги», расселять их в Черниговских казармах «пока войска еще в лагерьях», в продовольственном пункте и т. п. [11]. Было решено задействовать для них помещения земских и церковно-приходских школ, в найденных 105 пустующих зданиях.

Областной комитет Всероссийского союза городов уже в двадцатых числах июля 1915 г. возбудил ходатайство перед Главным комитетом союза о разрешении построить в г. Орле барак на 700 беженцев и об ассигновании необходимой для этого суммы [26, № 157, 22 июля]. Болховская, Малоархангельская, Мценская земские управы уведомляли Губернский комитет помощи беженцам, что в их уездах может быть размещено свыше 37 тыс. человек (в Малоархангельском уезде – 22400 чел.; в Болховском – до 10000 чел., в Мценском – 4169 чел.) [16]. В то же время из Карачевского и Елецкого уездов поступали сведения, что все дома переполнены беженцами, воинскими чинами и свободных квартир нет. От крестьян села Саловой Сосновки Трубчевского уезда поступила просьба не присылать к ним беженцев для размещения, так как из-за бедности имеют хаты только в один сруб, в 8 или 9 аршин [37].

Тем временем местное население начало жаловаться на повсеместное подорожание съемного жилья. Беженцы снимали жилища в городах губернии, в пригородах и даже в деревнях. «Хозяева сдаваемых хат, – сокрушался корреспондент газеты «Орловский вестник», – тоже проникаются жадностью городских домовладельцев, взимают плату за квартиры по-городски» [17]. Домовладельцы стали повышать цены своим старым квартирантам. Так, лично к редактору «Орловского вестника» обратился учитель одной из школ с жалобой «на алчность к гешефту» у хозяина квартиры С. Юркевича. Учитель, как следовало из его письма в газету, нанял квартиру «полную недостатков» в ноябре 1914 г. за 12 руб. в месяц. «Пользуясь же наплывом беженцев, – сообщал он далее, – которые поистине предлагают бешеные деньги за всякое пристанище, он заявляет мне, что с 1 сентября (1915 г. – И.А.) плата за мою старую лачугу 18 руб. в месяц, а с беженцев он возьмёт и 25 руб.» [27, № 218, 17 сентября].

Росли цены и в уездных городах губернии. В Болхове небольшая комната сдавалась за 10-12 руб. в месяц, причем корреспондент того же «Орловского вестника» однозначно обвинял в этом «высланных в Болхов поданных воюющих с нами держав, колонистов, беженцев и военных» [27, № 240, 16 октября]. Эта же причина ему виделась основной в подорожании вдвое, втрое «мануфактурных товаров».

Ситуация с жильем усугубилась с появлением среди беженцев заразных больных. Так, в сентябре месяце несколько семей беженцев устроились в имении госпожи Вещицкой в селе Яковлево. Они занимались главным образом сельскохозяйственными работами, но когда среди них появились заболевшие тифом, и один 16-летний юноша умер, госпожа Вещицкая постаралась от них избавиться, и семьи беженцев были переселены в деревенскую хату. Однако крестьянский сход села Яковлево в свою очередь посчитал для себя опасным соседство с заболевшими и «приговорил» беженцев к выселению из деревни [30].

«Квартирный вопрос» был поставлен на рассмотрение в городской думе уже 3 сентября 1915 г., когда было предложено ввести нормированные цены на жилье и издать по этому поводу обязательное постановление [9]. Однако такое постановление, вводившее ограничение на рост квартирных цен, было опубликовано в местной печати только 18 декабря 1915 г. Согласно ему, домовладельцам запрещалось сдавать жилье по ценам, которые были выше сложившихся на 1 января 1915 г. Увеличение стоимости разрешалось для квартир с отоплением по причине подорожания топлива, а также в случае проведенного капитального улучшения жилища. При этом специально подчеркивалось, что «превышение спроса над предложением не может служить причиной для надбавки» [23]. Однако обязательное постановление не смогло кардинально изменить ситуацию с ценами на жилье.

Вместе с тем возросшие квартирные цены были лишь частью многочисленных проблем жителей тыловых губерний, возникавших в реалиях неожиданно для всех затянувшейся войны. Так, например, стараясь предупредить возможные перебои в обеспечении численно возросшего населения губернии продовольствием, губернатор С.С. Андриевский

уже в начале сентября 1915 г. сделал распоряжение об увеличении ежедневной выпечки ржаного хлеба, что было под расписку объявлено всем булочникам. Однако одних приказов в данной ситуации было недостаточно. Дело в том, что часть печей была реквизирована военным ведомством. Оставшееся же у булочников оборудование позволяло выпекать хлеба вдвое меньше довоенного. Действительно, не смотря на принятые меры, ржаной хлеб стал заканчиваться в булочных Орла уже к полудню. Очереди у еще не открывшихся с утра дверей магазинов становились обычным явлением орловской повседневности, предопределенной Первой мировой войной [6, с. 64].

К квартирному, дровяному, сахарному и многим другим «вопросам жизни» Орловской губернии в этот период добавился еще один – «извозчичий», т. е. стоимость оплаты извозчичьего труда. Пользуясь возросшим в немалое количество раз спросом, «ваньки» сообщали пассажирам: «Ежели вы с вещами, то и цена будет другая..., не стесняясь требовали за проезд из одной части города в другую 40 коп., т. е. вдвое больше установленной таксы» [15].

Необходимо отметить, что с проблемой дефицита продуктов жители городов Орловской губернии сталкивались и раньше, уже с весны 1915 г. Причинами возникших затруднений в обеспечении горожан были и колебания цен на продукты питания на рынках, что заставляло торговцев придерживать товар, и общая натурализация крестьянских хозяйств, и перегруженность железных дорог военными перевозками, и, главное, сбой в связи с войной в функционировании сложного хозяйственного механизма в масштабах всей страны. Однако обыватели по большей части не были склонны к установлению замысловатых причинно-следственных связей. Чаще всего именно многочисленные переселенцы на территории губернии представлялись очевидными виновниками обозначившихся проблем.

Так, врач Н. Баркин (*псевдоним в газете*. – И.А.), выразив, по-видимому, широко распространенное в тогдaшнем обществе мнение, апеллировал со страниц периодической печати: «Господа беженцы, помогите!». Автор обращался к трудоспособным «беженцам-пролетариям», благодаря которым, по его мнению, «если не всецело, то в значительной степени цены не только на продукты

первой необходимости, но и на рабочие руки растут не по дням, а по часам» [13].

Действительно, на страницах местных газет со времени появления беженцев в губернии мелькали заметки о нежелании их в общей массе трудиться. Автор в одной из заметок в «Орловском вестнике» удивлялся, что никто из них, не смотря «на большую нужду в жилье и пище, не желает пользоваться предлагаемым им помещением и платой за то, чтобы они исполняли хозяйственные работы» [17].

Тем не менее в городскую управу поступило обращение от Житомирского отделения Татьянинского комитета, в котором предлагалось воспользоваться трудом беженцев: русских, поляков, евреев, русин и др. «интеллигентных профессий». Речь шла об инженерах, учителях, врачах, бухгалтерах, назывались и ремесленные специальности, а именно: ткачи, кузнецы, столяры, портные обоего пола [32]. Складывается впечатление, что беженцы, которые могли заработать за счет квалифицированного труда и получать достойную заработную плату не были склонны ожидать пособия от государственных и общественных организаций. Так, в Орле была организована артель сапожников из беженцев, знакомых с этим ремеслом. Достаточно высоко была оценена работа латышей, которые были наняты для отделки нового здания аптеки в губернском городе. Каменщики и плотники, задействованные в ремонте флигеля кадетского корпуса в Орле, получали по 1 руб. 35 коп. в день [4].

Попечитель Варшавского учебного округа обращался к председателю губернской земской управы с просьбой о предоставлении свободных учительских мест в Орловской губернии учителям-беженцам Варшавского учебного округа, заверяя, что они в большинстве своем имеют многолетний опыт и могут преподавать на русском языке [12]. Учителя и по собственной инициативе пытались устроиться на работу, однако, несмотря на увеличивавшийся за счет детей беженцев контингент школьников, им это удавалось не всегда. «Мытарство учительниц-беженок» называлось письмо в «Орловском вестнике» от 24 ноября 1915 г., автор которого совестил директора народных училищ Орловской губернии, который беженку, учительницу с несколькими го-

дами практики, не принял на работу, сопроводив отказ словами: «Вы – приезжие, вас здесь никто не знает, как я вас назначу?» [22].

В одном из номеров «Орловской жизни» автор статьи попытался ответить на вопрос «Отказываются ли от работы беженцы?» «Обвинение беженцев в лени, – приходил к заключению автор, – исходит от работодателей. У них почему-то сложилось представление, что беженец это что-то вроде китайского кули... (батраки, дешевая рабочая сила. – И.А.). Когда выясняется, что он беженец ему предлагают только половину оплаты» [33]. Тем не менее, на уровне общественного мнения нежелание беженцев устраиваться на работу чаще всего увязывалось с получением ими, так называемого «пайка». Газета «Орел», орган Орловского союза русского народа, категорично утверждала, что «беженцы, получая свои пайки, отказываются от работы», поэтому предложила лишать таких беженцев «и пайка, и пищевого довольствия» [24, № 48, 31 декабря]. Эта же газета распространяла слух, что среди беженцев были и такие, «которые записавшись по нескольким городам, получают везде пайки» [25, 13 ноября].

Действительно, согласно решению Особого совещания по устройству беженцев, которое было учреждено 10 сентября 1915 г., для них вводился ежемесячный продовольственный паек по аналогии с пайком от казны, выдававшийся семьям призванных в армию. До этого обеспечение нуждавшихся беженцев происходило за счет разовых ассигнований Всероссийского союза городов, Татьянинского комитета, различных благотворительных акций и частных пожертвований. Так, в августе 1915 г. Главный комитет Всероссийского союза городов ассигновал сумму на содержание 500 беженцев в Орле из расчета 50 коп. в сутки [36]. Паек выдавался в денежной форме, в среднем 20 коп. в день на человека [39, д. 1, л. 29 об. и др.], варьирование суммы зависело от местных цен на продукты питания.

Паек могли получить нуждавшиеся беженцы, которые обратились с соответствующим заявлением в Комитет по попечительству беженцев при городской или уездной земской управе. В Орле пайки стали выдаваться, по видимому, с конца октября первоначально в сумме 6 руб. на взрослого человека и 4 руб. 80 коп. на ребенка в неделю [34], в то время как в

Орловском уезде беженцы получали 3 руб. и 2 руб. 50 коп. Очевидно, что такая несоразмерность сумм способствовала желанию беженцев поселиться в губернском городе, еще более усугубляя проблемы с жильем.

Повышение же городским комитетом беженского пайка до 7 руб. 50 коп. (включая квартирные) для взрослого и 5 руб. 80 коп. для малолетних привело к тому, что расквартированные и в слободах Орла беженцы начали массово переселяться в город, прибегая иногда к определенным хитростям. Так, пользуясь тем, что в Покровской Слободе, земли города и уезда располагались чересполосицей, отдельные беженцы пытались получать пайки сразу в обоих – уездном и городском комитетах [27, № 264, 13 ноября]. Однако были и противоположные ситуации. Беженцы, проживавшие в пригородных слободах Орла и в деревне Костомаровка, жаловались, что они не получали продовольственный паек ни из городского, ни из уездного комитетов.

«Квартирный вопрос» и вопрос о размере беженского пайка были объявлены в конце ноября 1915 г. важнейшими на заседании губернского земского комитета. В конечном итоге было решено беженский паек уравнивать с таковым, выдаваемым семьям запасных. Квартирное довольствие было определено в 1 руб. на человека при размещении с хозяевами дома, до 1 руб. 50 коп. при расквартировании в нежилых деревенских домах и до 2 руб. в городах [10].

Однако, судя по поступавшим в периодическую печать сведениям, далеко не во всех уездах губернии, вплоть до декабря 1915 г., беженцы могли получать определенную для них Особым совещанием помощь от казны. Так, за все время пребывания в Мценске (с сентября по декабрь 1915 г.) беженцам удалось получить паек по 1 руб. 50 коп. на человека и по 1 руб. квартирных только в октябре месяце. «Наиболее нуждающиеся женщины уже начали просить подаяние» [21], – сообщал корреспондент «Орловского вестника».

Согласно новому «Руководящему положению по устройству беженцев», утвержденному министром внутренних дел А.Н. Хвостовым 2 марта 1916 г., размер беженского продовольственного пайка должен был устанавливаться Губернским (областным) совещанием от 15 до 20 коп. в день на человека. Увеличение размера пайка свыше 20

коп. разрешалось только в исключительных условиях и с разрешения министра внутренних дел. Сумма расходов на помещение устанавливалась Совещанием в расчете на одного беженца: до 1 руб. 20 коп. в сельской местности и до 2 руб. в городах, пригородах и поселениях. В эти суммы включалась и плата за отопление [38, д. 42, л. 475 об., 476 об.].

В апреле товарищ министра внутренних дел кн. В.М. Волконский телеграфировал Орловскому губернатору: «...из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь получают: а) дети до 14 лет включительно, б) нетрудоспособные, в) один из трудоспособных членов семьи, вынужденный оставаться при детях для присмотра, и принятые на сельхозработы» [28, № 92, 27 апреля]. Остальные беженцы, уклонявшиеся «от привычного для них сельскохозяйственного труда», лишались как квартирного, так и продовольственного пайка.

В сентябре 1916 г. Губернский земский комитет попечения о беженцах представил губернатору смету по содержанию беженцев в октябре, ноябре и декабре 1916 г. в сумме 455343 руб. 75 коп., причем она была меньше сметы предыдущего квартала примерно на 14,5%. Сокращение объяснялось затруднительным состоянием государственного казначейства. Предлагалось снимать с продовольственного пайка 10% общего числа беженцев, расквартированных в сёлах и 15% беженцев, живших в городах губернии.

Одновременно с представлением сметы, губернский комитет ставил губернатора в известность, что из причитавшейся за истекшую четверть года суммы им было недополучено примерно 50% [3], что означало массовые невыплаты денег беженцам и их домовладельцам, прежде всего, в уездах. Однако возмещения недостающих сумм не последовало. Напротив, уже в ноябре 1916 г. Министерство внутренних дел предложило Губернскому земскому комитету принять проект, который предусматривал обеспечением казенным пайком только 50% беженцев. Более того, в зависимости от заработков членов семьи, предписывалось снижать общую сумму квартирного и продовольственного пайка нетрудоспособным или даже совсем его не выплачивать [28, № 237, 5 ноября].

Размеры статьи не представляют возможность рассмотреть многочисленные проблемы

с которыми сталкивались беженцы, оказавшиеся в годы Первой мировой войны на территории Орловской губернии. В данном случае были выбраны только несколько из них, которые для местных жителей являлись следствием появления в их населенных пунктах переселенцев. Причем помощь со стороны государственных или общественных организаций, которая рассматривалась беженцами как не-

своевременная или недостаточная, но как чрезвычайная, по мнению местного населения, порождала взаимные претензии, усиливала социальное напряжение, которое подпитывало настроение недовольства затянувшейся войной. В дальнейшем, как думается, эта ситуация сказалась на выборе политических предпочтений как одной, так и другой стороной этого сложного общественного процесса.

Список литературы

1. Аккомодация в социологии / <http://knowledge.su/a/akkomodatsiya-v-sotsiologii>
2. Алферова И.В. Дорога на восток (проблема беженцев как один из факторов повседневности в годы первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 16-23.
3. Беженские дела // Орловский вестник. 1916. № 210. 30 сентября.
4. Беженцы на работе // Орловская жизнь. 1915. № 187. 1 сентября.
5. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. М., 2014. 432 с.
6. Блохин В.Ф. Эпизоды повседневности Минского военного округа в годы Первой мировой войны // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск: Издательство «Курсив», 2017. С. 64-74.
7. Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 246-252.
8. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №3 (11). С. 61-79.
9. В городской думе // Орловский вестник. 1915. № 211. 6 сентября.
10. В губернском комитете помощи беженцам // Орловский вестник. 1915. № 277. 29 ноября.
11. В помощь беженцам // Орловская жизнь. № 177. 19 августа.
12. В учебном мире // Орловская жизнь. 1915. № 190. 4 сентября.
13. Г.г. беженцы, помогите // Орловский вестник. 1915. № 240. 16 октября.
14. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1.
15. Еще один «вопрос» // Орловский вестник. 1915. № 214. 11 сентября.
16. К расселению беженцев // Орловский вестник. 1915. № 247. 24 октября.
17. Карачаевский уезд // Орловский вестник. 1915. № 252. 30 октября.
18. Корнелюк В.Г. Беженцы войны в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 51-66;
19. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
20. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95-105.
21. Мценск. Орловский Вестник. Номер 286. 10 декабря.
22. Мытарство учительниц-беженок // Орловский вестник. 1915. № 247. 24 октября.
23. Обязательное постановление в ценах на квартиры // Орловский вестник. 1915. № 293. 18 декабря.
24. Орел. Вестник Орловского Союза русского народа. 1915.
25. Орел. Вестник Орловского Союза русского народа. 1916.
26. Орловская жизнь. 1915.
27. Орловский вестник. 1915.
28. Орловский вестник. 1916.
29. Орловский край. 1916.
30. Орловский уезд // Орловский вестник. 1915. № 282. 5 декабря.
31. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы М.: Вече, 2014. 448 с.
32. От Татьянинского комитета // Орловская жизнь. 1915. № 183. 26 августа.
33. Отказываются ли беженцы от работы // Орловская жизнь. 1915. № 225. 21 октября.
34. Пайки беженцам // Орловский вестник. 1915. № 256. 4 ноября.

35. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. VI, VII.
36. Постановление комитета. // Орловская жизнь. 1915. № 170. 9 августа.
37. Просьба крестьян // Орловский вестник. 1915. № 261. 10 ноября.
38. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1.
39. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1.
40. Суржикова Н.В. Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 122-132.
41. Суржикова Н.В. Российское общество vs российское беженство – 1914–1922 гг. // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 88-98.

REFUGEES OF THE FIRST WORLD WAR: PROBLEMS OF ACCOMMODATION (on the materials of Oryol province)

The article deals with the specific features of accommodation of Russian refugees during the First World War based on the materials of the Orel province. "Accommodation" means a change in function that facilitates the coexistence of actors, groups, organizations, communities and their joint actions without erasing their differences and losing their identity. The term seems to be quite representative in terms of the plight experienced by refugees in places of forced settlement when the process of their adaptation to the new conditions reduced the possibility of social conflict including conflicts with the local population but did not eliminate it completely. That was manifested in the political transformations of 1917. The local population mistakenly blamed the problems caused by military realities on thousands of refugees who were in the province. Out of these numerous problems, only such issues as "housing problems", the unfair distribution of material benefits, state aid in the form of refugee rations, lack of workers will be considered. However, the limited range of the considered problems is an illustration of the social tension between the local population and refugees, which eventually became a certain basis for the formation of protest activity.

Keywords: World War I, Orel province, refugees, accommodation, housing issue, rations, social tension.

References

1. Akkomodatciia v sotciologii / <http://knowledge.su/a/akkomodatsiya-v-sotsiologii>
2. Alferova, I.V. (2017). Put' k Vostoku (problema bezhentsev kak odnogo iz faktorov povsednevnoy zhizni vo vremena pervoy mirovoy voyny) [The road to the East (the problem of refugees as one of the factors of everyday life during the first world war)]//Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bryansk State University Herald], 3, (33). 16-23.
3. Dela o bezhentsakh [Refugee affairs]//Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1915. No. 210. September, 30.
4. Bezhentsy na rabote [Refugees at work]//Orlovskaya zhizn' [Orel life]//1915. No. 187. September, 1.
5. Belova I.B. (2014). Vyinuzhdenkiye migranti: bezhentsy i voennoplennyye Pervoy mirovoy voynyi v Rossii. 1914–1925 gg [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of World War I in Russia. 1914–1925]. M.432 s.
6. Blokhin, V. F. (2017). Epizody povsednevnoy zhizni Minskogo voennogo okruga v gody Pervoy mirovoy voyny [Scenes of everyday life of the Minsk military district during the First World War]//Rossiya v ehpohe politicheskikh i kul'turnykh transformatsiy. [Russia in the era of political and cultural transformations.], Bryansk, Izdatelstvo «Kursiv». 64-74.
7. Bukalova S.V. (2014). Politika privlecheniya bezhentsev k sel'skokhozyaystvennym rabotam vo vremena Pervoy mirovoy voyny [Policy of attracting refugees to agricultural work during the First world war]//Yezhegodnik po istorii sel'skogo khozyaystva Vostochnoy Yevropy. [Yearbook on the agricultural history of Eastern Europe], 1, 246-252.
8. Bukalova, S.V. (2016). Rol' mestnogo samoupravleniya v organizatsii pomoshchi bezhentsam vo vremena pervoy mirovoy voyny [Role of local government in the organization of assistance to refugees during the first world war]//Sankt-Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal: issledovaniye rossiyskoy i mirovoy istorii [St. Petersburg historical journal: research on Russian and world history], 3 (11), 61-79.
9. V gorodskoy Dume [In the city Duma]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 211. September, 6.
10. V provintsial'nom komitete po delam bezhentsev [In the provincial Committee for refugees]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 277. November, 29.
11. Sostoyaniye bezhentsam [Assistance to refugees]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 177. August, 19.
12. V mire obucheniya [In the learning world]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 190. September, 4.
13. Bezhentsy, pomogite [Refugees, help]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 240. October, 16.
14. Gosudarstvenniy arhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [The State Oryol Region Archive (SORA)]. F. 4. Op. 1.
15. Yeshche odin vopros" [One more «question»]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 214. September, 11.

16. К переселению беженцев [To the resettlement of refugees]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 247. October, 24.
17. Karachevskiy rayon [Karachevskiy district]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 252. October, 30.
18. Kornelyuk, V.G. (2017). Bezhentsy voyny v belorusskikh provintsiyakh i pervyy opyt gosudarstvennoy i obshchestvennoy pomoshchi bezhentsam (1914 - pervaya polovina 1915 goda) [Refugees of war in the Belarusian provinces and the first experience of the state and public help to refugees (1914 – the first half of 1915)] // Novyy istoricheskiy byulleten'. [New historical Bulletin], 1 (51), 51-66.
19. Kurtsev, A.N. (1999). Bezhentsyi pervoy mirovoy v Rossii (1914–1917) [Refugees of World War I in Russia (1914-1917)]//Voprosy istorii. [History issues], 8, 98-113.
20. Mihalev, N.A., Pyankov, S.A. (2015). Bezhentsyi Pervoy mirovoy voyni v Rossiyskoy imperii: chislennost, razmeschenie, sostav [World War I Refugees in the Russian Empire: Number, Location, Composition]//Uralskiy istoricheskiy vestnik. [Ural Historical Journal], 4(49), 95-105.
21. Mtsensk [Mtsensk]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 286. December, 10.
22. Mytarstvo uchitel' nits-bezhenok [The ordeal of the refugee teachers]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 247. October, 24.
23. Obyazatel'noye postanovleniye v tsenakh na kvartiry [Mandatory ruling in apartment prices]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 293. December, 18.
24. Orel. Byulleten' Orlovskogo soyuza russkogo naroda [Oryol. Oryol Union of the Russian people Bulletin]. 1915.
25. Orel. Byulleten' Orlovskogo soyuza russkogo naroda [Oryol. Oryol Union of the Russian people Bulletin]. 1916.
26. Orejskaya zhizn' [Orel life]. 1915.
27. Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1915.
28. Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1916.
29. Orlovskiy kraj [Oryol region]. 1916.
30. Orlovskiy uyezd [Orlovskiy district]//Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1915. № 282. December, 5.
31. Oskin, M.V. (2014). Neizvestnyye tragedii Pervoy mirovoy. Plennyye. Dezertiry. Bezhentsy [Unknown tragedies of the First World War. Captives. Deserters. Refugees]. M. Veche, 448 s.
32. Ot Tat'yaninskogo komiteta [From the Tatiana Committee]//Orejskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 183. August, 26.
33. Otkazyvayutsya li bezhentsy ot raboty [Do refugees refuse to work?]/Orejskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 225. October, 21.
34. Payki bezhentsam [Rations to refugees]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 256. November, 4.
35. Pervaia vseobshchaia perepis` naseleniia Rossii`skoi` imperii [The first general census of the population of the Russian Empire], 1897 g. Izdanie Cen-tral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del / pod red. N.A. Troi`nitckogo. SPb., 1904. S. VI, VII.
36. Postanovleniye komiteta [Committee Decision]//Orejskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 170. August, 9.
37. Pros'ba krest'yan [The request of the peasants]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 261. November, 10.
38. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)] F. 2005. Op. 1.
39. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 1322. Op. 1.
40. Surzhikova, N.V. (2016). Problema bezhentsev v konfliktakh i kompromissakh vlastey i obshchestvennosti Rossii v gody Pervoy mirovoy voyni (po materialam periodicheskoy pechati) [The problem of refugees in conflicts and compromises of the authorities and the public in Russia during the First World War (based on periodicals)]//Vestnik Permskogo universiteta. Istoria [Perm State University Journal. History], 1(32), 122-132.
41. Surzhikova, N.V. (2017). Rossiyskoye obshchestvo vs rossiyskoye bezhenstvo – 1914–1922 gg. [Russian Society vs Russian Refugees - 1914–1922]// Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research], 9, 88-98

Об авторе

Алфёрова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории, политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alfyorova Irina Viktorovna – Doctor of History, Professor of department of philosophy, history, political science. Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia). E-mail: alferovairi@yandex.ru